

— Что? — Хо Цзюй, обладая отличным слухом, уловил слова, но не до конца понял их смысл.

— Ничего, — глаза Лин Си на секунду дрогнули, взгляд метнулся в сторону. — Ты ещё не совсем оправился, зачем так торопиться?

— Всё нормально. Жар уже спал, — спокойно отозвался Хо Цзюй, продолжая работать, не прерывая движений.

Лин Си, наблюдая за ним, не мог скрыть удивления. Его взгляд невольно задержался на руках мужчины, не тонких и изящных, как можно было бы ожидать от умелого вышивальщика, а широких, крепких, закалённых временем. Ладони были покрыты грубыми мозолями, истинные руки воина, человека, владевшего мечом, копьём, боевыми искусствами. Именно поэтому зрелище, как эти руки легко управляют с тончайшей иглой, вызвало странный, почти гипнотический контраст.

Брови Хо Цзюя едва заметно сдвинулись. Он ясно ощутил: Лин Си смотрит на него с тем же недоумением и внутренним осуждением, что и все остальные, кто не мог воспринять мужчину, умеющего вышивать, иначе как "ни то ни сё". Он слишком хорошо помнил, что говорили о нём в деревне, подобных слов наслушался в юности более чем достаточно. Сначала он не хотел придавать значения и с Лин Си, не собиравшись заострять на этом внимание, но юноша таращился уж больно долго, глаза буквально прилипли к нему, и это начинало раздражать.

— Насмотрелся? — холодно спросил Хо Цзюй, не поднимая взгляда.

Даже сдерживая раздражение, в глазах Хо Цзюя всё равно промелькнула тень недовольства, и Лин Си мгновенно это уловил.

С чего это у него от шитья такое настроение? — удивился он. Что, даже на это разозлиться можно?

— Тебе неприятно, что я долго смотрел? — с недоумением начал Лин Си, затем, не дожидаясь ответа, заговорил дальше с нарастающим восторгом в голосе: — Просто я впервые вижу, чтобы кто-то шил руками точнее, чем швейная машина! Это же потрясающе. Вот бы мне уметь хотя бы наполовину, тогда и не пришлось бы таскать на себе эти лохмотья. А ещё ты тогда такую рыбу сварил, я до сих пор вкус помню!

Глаза Лин Си постепенно загорались. В его воображении уже выстраивалась картина идеального будущего: брат Хо готовит, шьёт, заботится о доме, прямо-таки воплощение добродетельной жены и заботливой матери! А он сам снаружи, на охоте, в делах. Один отвечает за внешнее, другой за внутреннее. Идеально, просто идеально!

Он полностью ушёл в свои мечты, а Хо Цзюй в это время изумлённо расширил глаза. Он был готов, как обычно, услышать насмешки, уколы, очередную поддёвку, но вместо этого его буквально осыпали цветами. Слова Лин Си были искренни, светлы, и выражение лица совсем

не лукавое. В этой чистой, простой похвале не было ни тени притворства, и Хо Цзюй вдруг почувствовал, что не может и не хочет сомневаться в его искренности.

— Ты... — голос Хо Цзюя прозвучал хрипло, с сомнением, — разве не считаешь, что мужчина, занимающийся шитьём - это... по-бабьи и мерзко?

— А? — Лин Си, вынырнув из своих размышлений, с изумлением приподнял бровь. — Любой человек, умеющий в совершенстве владеть каким-то ремеслом, достоин похвалы. Это значит, что он упорно учился, много трудился. И если ты сам, своим умом и руками, освоил дело, никто не имеет права говорить о тебе гадости.

— Кроме того, — добавил он, глядя прямо, уверенно, — у навыков нет пола. Всё просто: кто умеет, тот и молодец. Всё остальное от зависти или глупости.

Слова Лин Си прозвучали как удар в колокол - звонко, ясно и по делу. Хо Цзюй замер, глядя на него в немом изумлении. Юноша стоял у окна небрежный, свободный, словно сам был воплощением ветра.

Если бы Хо Цзюй родился в другую эпоху... в современном мире, где мужчины-дизайнеры одежды в почёте, где за изысканные руки не насмежаются, а платят миллионы, он бы не стал объектом насмешек. Его талантом восхищались бы, он бы стал именитым мастером, прославленным за свои выдающиеся умения.

А сейчас... несложно догадаться, скольким насмешкам он подвергался в детстве, пока осваивал своё ремесло. Сколько раз деревенские мальчишки отпускали колкости, толкали, презрительно смотрели, просто за то, что он умел делать то, что они даже не пробовали понять.

В детстве Лин Си часто получал похвалу от учителей, он обладал выдающимися способностями к учёбе. Постепенно это привело к тому, что одноклассники начали его сторониться, кто-то стал распускать слухи, будто он стучит на других, будто он предатель. У детей злоба порой проста и прямолинейна, достаточно просто быть «не таким», и даже если ты ничего плохого не сделал, тебя уже готовы ненавидеть.

«Если не вызываешь зависти, ты посредственность. А сильные не оборачиваются назад. Даже взглядом удостоить уже слишком много чести», - вот как Лин Си научился справляться с изоляцией: он продолжал становиться всё лучше. Не нравится, что его хвалят? Пусть привыкают. Подстраиваться, ломать себя ради чужого удобства - это было для него невозможно.

Игла уколола палец, резкая боль выдернула Хо Цзюя из раздумий. В голове снова и снова всплывало лицо Лин Си, его дерзкая, смелая, живая улыбка. Уголки губ Хо Цзюя невольно приподнялись, и он вполголоса пробормотал:

— Кто в юности не бывал безрассудным, тот жизнь прожил зря.

Лин Си едва успел закончить укрепление крыши перед самым началом дождя, вот только на новую кровать времени уже не хватило. Во многом дело было в нехватке нормальных инструментов. Лин Си твёрдо решил: в ближайшее время нужно заняться изготовлением хорошего комплекта.

Дождь в горах налетел стремительно. Резкий ветер и шквал обрушились без предупреждения, небо за считанные мгновения заволкло тучами, чёрными и тяжёлыми, словно готовыми раздавить землю. Хижина мгновенно погрузилась в темноту. Воздух наполнился влажной плотной сыростью, а окна, даже плотно закрытые, гремели под ударами ливня и ветра так, будто сам дом вот-вот разнесёт по щепкам.

Лин Си сидел на корточках в главной комнате и разжигал огонь при помощи тетивы, которую сделал сам. Изначально он хотел найти кремень - те самые огнива, которые обычно можно встретить у речных берегов или в пещерах. Однако стоило ему подойти к реке, как всё внимание без остатка было поглощено... рыбами.

В глубине гор, в прозрачной речной воде, рыбы лениво плавали под лучами солнца. Сквозь чистую воду было видно каждую водоросль, мягко колышущуюся в течении, казалось, само время в этом месте замедлило ход. На какое-то мгновение Лин Си и впрямь подумал, что здешние рыбы живут в покое и довольстве, как в утопии.

А потом он, незваный гость, жестоко нарушил их идиллию - устроил настоящую бойню и потом пир. Столько лет он не ел по-настоящему свежего мяса, что вначале даже не думал разводить огонь, ел сырую рыбу прямо так. В этих горах, где не было ни души, с прохладной речной водой у рыбы не было ни малейшего запаха тины, а мясо оказалось удивительно нежным, со сладковатым послевкусием.

Для Лин Си, выходца из кулинарной пустыни постапокалиптического мира, вкус этой рыбы был сродни небесному благословию. Первые пару дней он даже не отходил от берега, раскинул там свой временный лагерь. Лишь когда вечером налетел холодный ветер и мокрая одежда липкой пленкой прилипла к телу, он, покрывшись мурашками, с внезапным осознанием вспомнил: а ведь огонь-то я так и не развёл.

С наступлением ночи единственным «освещением» в округе были лишь зелёные огоньки-отблески в глазах волков. Он наугад схватил пару сухих веток и начал добывать огонь трением. Метод был рабочий, но слишком затратный по усилиям и времени. Чтобы костёр не погас, он соорудил так называемую огненную «звезду» - четыре полена, сведённые крестом в центр, которые обогревают друг друга и позволяют дольше сохранить тлеющий очаг.

Спиной Лин Си опирался о тёплый живот Дахуэя, одежда висела на палке у костра, медленно подсыхая. Он задрал голову, глядя на усыпанное звёздами небо, а в ушах вперемешку звучали одинокие стрекотания цикад и тихое журчание воды - картина умиротворяющая и до боли приятная.

Глаза постепенно тяжелели, и сам того не заметив, он погрузился в сон. Наутро, надев уже

полностью высохшую одежду, Лин Си, думая о натёртых ладонях и потерянном времени, решил: пора сделать полноценное лучевое огниво. Его изготовление не требовало особых усилий, а вот эффективность была куда выше. Для этого ему нужно было собрать несколько деталей: сверло (древко), доска с выемкой, подставка под верхушку сверла, а также ручка и тетива, которая будет вращать сверло.

В густом лесу с деревьями проблем не было вообще, древесины сколько угодно. Что до верёвки, Лин Си смастерил её вручную, скручивая растительные волокна. Кроме того, он знал: если бы были сухожилия животных, из них получилась бы куда более прочная нить. Жаль, что это редкий ресурс.

Собрав всё необходимое, он взял в руки костяной нож и начал обтачивать сверло: выравнивал, скруглял, шлифовал, аккуратно сдувал мелкую стружку, проверяя гладкость. Когда остался доволен результатом, заточил верхушку древка, придавая ей острый конус.

Дахуэй дремал рядом с Лин Си, а несколько любопытных волчат, подняв мордочки, с нескрываемым интересом наблюдали за его действиями. Иногда мелкая стружка отлетала им прямо на носы, и это вызывало волну чихов, они по очереди фыркали, а протяжное «ауу...ауу...» звучало мягко и по-детски, словно наполненное молочным духом.

— Фух, готово, — Лин Си обвил сверло тетивой, с удовлетворением кивнул и приготовился протестировать своё изобретение.

Волчьи головы сблизилась, окружив странную деревянную конструкцию. Стоило Лин Си начать ритмично двигать лучок, как из-под сверла вдруг пошёл дымок. Разложенные рядом сухие листья мгновенно воспламенились, и пламя внезапно вспыхнуло, вырвавшись в воздух.

Все волки одновременно распахнули глаза. Один, стоявший ближе всех, оказался слишком близко, пламя опалило ему усы, закрутив их, как подпалённые нитки. Он взвизгнул и с испуганным воем начал хлопать себя по носу лапами.

Вожак владеет волшебством!

В следующее мгновение в глазах всей стаи засверкало восхищение, они с благоговением уставились на Лин Си, как на нечто великое и непостижимое.

— Тсс... — Лин Си вздрогнул, когда язычок пламени коснулся его пальцев. Боль быстро выдернула его из мысленной неги.

Огонь залил светом тёмную до черноты главную комнату, разогнал влагу и ночную сырость, принесённую дождём. Лин Си сорвал в лесу немного диких овощей и сварил их вместе с рыбным бульоном. Кулинаром он был, мягко говоря, посредственным, но еду удалось довести до готовности, и, самое главное, она не вызывала расстройства желудка, что для него уже считалось успехом.

Ливень с грохотом хлестал по крыше, вода безжалостно барабанила по бамбуковым листам, скрывая от глаз всё, что происходило снаружи. Лин Си не мог разглядеть ни деревьев, ни гор, но прекрасно понимал, если бы не эта ветхая хижина, укрыться от такой стихии было бы почти невозможно. Без этого угла, пусть и разваливающегося, жить стало бы во сто крат тяжелее.

Отблески пламени плясали на его лице, отбрасывая тёплый свет на тонкие, чёткие черты. В его глазах вспыхивали искры, словно там текли тысячи мыслей.

Интересно, дорого ли тут стоит жильё...

Когда ужин был готов, Лин Си зашёл в дом позвать Хо Цзюя, но, увидев его, тут же понял - снова жар. Мужчина стиснул зубы, изо всех сил пытаясь справиться с болью.

Бросив быстрый взгляд, Лин Си заметил, как тот сжал кулаки, пальцы побелели от напряжения. Он нахмурился и протянул руку, коснувшись напряжённой, каменной как скала, икроножной мышцы. Жгучая боль не оставляла сомнений: в таком состоянии неудивительно, что Хо Цзюй еле держится.

Бамбуковая хижина совершенно не защищала от влажности. А в такую погоду с необработанным ранением это как сыпать соль на открытую рану. Нога, которую он так и не успел как следует вылечить, в такую бурю начинала буквально гореть от боли.

Не найдя ничего подходящего, Лин Си взял старую, отколотую чашу и сделал из неё масляную лампу. В качестве топлива он использовал животный жир, который загодя сохранил, а фитиль скрутил из ламповника, мягкого болотного растения, которого сейчас в лесу было в избытке.

Шикарно, по местным меркам, он зажёл сразу несколько таких ламп, так что помещение тут же залилось ровным, тёплым светом, почти как днём. Лицо Хо Цзюя проступило из темноты белое, как бумага, словно из тела ушла вся кровь. Со лба капали крупные капли пота. Лин Си коснулся его и вздрогнул: кожа была не просто холодной, а пронизывающе ледяной.

Лин Си вскипятил воду и принялся делать тёплые компрессы для больной ноги Хо Цзюя. В перерыве между сменой повязок он невольно бросил взгляд на ту рубашку, которую прежде уже изрядно изодрал, перевязывая раны мужчины. Только что он оторвал от неё ещё один лоскут, и, вспоминая сдержанный характер Хо Цзюя, предвкушал, как тот снова будет сверлить его глазами, будто острыми кинжалами.

— Эх... — с тихим вздохом Лин Си опустил подбородок, и в это же мгновение его взгляд упал на лицо мужчины. Даже в болезненном оцепенении оно сохраняло свою поразительную притягательность, и ощущение досады в груди вдруг немного рассеялось.

Глаз скользнул ниже от ярко очерченного кадыка по мощной линии плеч и спины, по рельефной груди, по идеально выстроенному прессу. Лин Си прекрасно помнил, как не раз останавливался взглядом на его «акульих мышцах»*.

Он непроизвольно сглотнул слюну, и воздух вокруг будто стал гуще, как будто температура в комнате начала стремительно повышаться.

Хотя Лин Си считался одним из лучших в боевых искусствах, его тело не обладало таким впечатляющим рельефом. Тренер объяснял это особенностями его телосложения, мол, не каждый так легко «накачивается», возможно, с возрастом станет заметнее. Ему уже исполнилось восемнадцать, формально он взрослый, но даже теперь не мог похвастаться такими завораживающими формами, которые могли бы с первого взгляда всколыхнуть в крови бурю.

Мышцы в расслабленном состоянии мягкие, а твёрдыми становятся лишь после нагрузки, в этом Лин Си за те четыре дня убедился лично и досконально.

Он вытер с лица мужчины испарину, а после короткой внутренней борьбы, длившейся всего миг, снова опустил ткань в воду, отжал и начал протирать тело от шеи по направлению к плечам и дальше, аккуратно и кропотливо.

Хо Цзюй в бреду мучительно ощущал боль, словно всё его тело терзало раскалённое пламя, а в какой-то момент поверх жара будто прошёл лёгкий ветер, невесомый, как прикосновение пера. Первое и второе он ещё мог, стиснув зубы, вытерпеть, но вот третье чувство вызывало непреодолимое раздражение, зуд под кожей, от которого хотелось выть. Однако веки налились свинцом, и сколько бы он ни пытался, открыть глаза не получалось. Он, разумеется, даже не подозревал, что некто аккуратно и целиком вытер его тело.

Только через три дня бесконечного ливня дождь, наконец, прекратился. За это время, чтобы их не затопило, Лин Си даже выскочил под ливнем и вырыл водоотводный ров. Иначе бы им вдвоём пришлось переселяться в горную пещеру.

— У тебя рана заживает очень быстро, — произнёс он, вновь проверяя, как заживает шов на груди мужчины. На месте пореза уже начала нарастать новая кожа, а прочие ссадины и ушибы вообще давно покрылись коркой, а местами и вовсе исчезли без следа, разве что оттенок кожи выдавал, что здесь недавно была рана.

Дождь лил три дня подряд, и всё это время Хо Цзюя лихорадило, температура то спадала, то поднималась вновь. К счастью, к сегодняшнему дню состояние стабилизировалось, жар окончательно отступил, в теле появилась долгожданная сила, и он отчётливо почувствовал, что пошёл на поправку.

После смены повязки Хо Цзюй надел верхнюю рубаху. От нижней уже ничего не осталось, так что он вынужден был обойтись одной одеждой, и хорошо ещё, что стояло лето. Такой бедности, чтобы не было даже нательной рубашки, он не знал уже много лет.

— Да, с детства я восстанавливался быстрее других, — откровенно признался он, его глаза потемнели под густыми ресницами.

Хо Цзюй действительно с малых лет отличался поразительной способностью к восстановлению, но даже так, при столь тяжёлой ране, шансов выжить у него было не так уж много. То, как быстро он пришёл в себя, лишь подтверждало: методы Лин Си действенны. Швы вовсе не пустая выдумка, а вполне практичный способ лечения. Если бы распространить этот способ в армии, разве бы это не помогло сократить число жертв?

Лин Си задумчиво кивнул. Хотя скорость восстановления у Хо Цзюя и не дотягивала до его собственной, она всё же значительно превышала возможности обычных людей. Неудивительно, что тот сумел провести с ним четыре дня без сна и отдыха, несмотря на раны.

Хо Цзюй подавил вспыхнувшую в груди надежду и произнёс ровным тоном:

— Чувствую себя гораздо лучше. Завтра утром пойдём вместе в уездный город, нужно кое-что купить.

Уездный город... Покупки...

Разве это не значит, что можно будет поесть кучу вкусностей?!

Глаза Лин Си в тот же миг засветились, будто прожекторы, а в душе заиграли фанфары надежды и предвкушения. Однако он напрочь забыл, что его карманы были чище, чем его лицо.